

ЭСТАФЕТА

— Алло! Это квартира Карпенко?
— Да-да...
— Пригласите, пожалуйста, Василия Артемовича.
В трубке тишина.
— Ну, того, кто с Островским узкоколейку строил в Боярке.
— Он умер. Совсем недавно... Но вы приходите, пожалуйста.
Лидия Ивановна встречает меня приветливо. Благодарит за цветы и бережно ставит красивые гвоздики у портрета улыбающегося седого человека. Он на снимке в пиджаке с парадными рядами орденов (такие наряды многие ветераны хранят «на выход», для официальных встреч). Сейчас награды покоятся на красных подушечках среди альбомов, пухлых папок без хозяина. С этого балкона любовался он Крещатином. Вот его любимые книги.

Лидия Ивановна подает мне вырезки, документы. А сама старается незаметно принять лекарство.
— Вот, нашла случайно в бумагах, — говорит она, подавая мне листок, исписанный четким почерком. Смотрю на дату — 15 марта 1987 года.
...Он не собирался умирать. Вот и план даже дальнейшей жизни составил «по общественно-политическим и житейским вопросам». Хотя понимал: пора подводить итог. Хотел обобщить автобиографию. Поставить хороший памятник отцу в Глевахе. Ведь там даже есть улица имени их семьи.
— Василий Артемович часто там бывал, — рассказывает потом Лидия Ивановна. — Идет и спрашивает у прохожих: — Как эта улица называется?
— Карпенков. Жила тут семья такая. Работаящая...

После последней поездки, правда, задумчиво молчал. То ли расстроился, что все уже становится улочка (на огородах «прирезают»). Заборы, вон, выше роста человека наглухо заслонили дома. А может, просто родных вспомнил?
...У Артема Климовича Карпенко росло пять сыновей. Все стали коммунистами. Ему, заместителю председателя комбеда, не раз подбрасывали записки враги Советов. А он, паровозный кочегар, человек твердый, ответил им тем, что привел в комбед всех сыновей. Погиб от кулацкой пули, выпущенной из обреза, вояка глевахской комячейки Тихон Карпенко. Потом, на фронтах Великой Отечественной войны, погибнут еще три сына. И на старшего, Василия, придет похоронка. Ошибочно.
А тогда, в 1921-м, его предупредили: — Дома не ночуй. Банда нагрянет. Решили покончить с тобой.
Обошлось. Только стекла звенели от выстрелов.
Рассматриваю документы, сохранявшиеся с далеких 20-х годов. Они аккуратно сложены в папку, пронумерованы, составлена опись.
Вот фотография первой комсомольской ячейки Будаевки. В первом ряду слева — Василий Карпенко. А это справка, подтверждающая, что он действительно на первой районной конференции ЛКСМУ был избран членом Будаевского райкома комсомола. А еще был секретарем в Боярской психиатрической профшколе. Вот характеристика оттуда для вступления в партию.
— Знаете, чтобы попасть на учебу, ему пришлось последние сапоги продать, истратив деньги на релетитора. Ведь образования-то у него было всего

ничего — церковно-приходская школа. «ЦПШ» — как шутил потом он.
Лидия Ивановна сопровождала мужа на многие встречи, выступления. Он был нештатным лектором ЦК ЛКСМУ. Умел сразу найти контакт с аудиторией. Предпочитал не выступать с трибуны, а беседы, диалоги. После каждой встречи появлялись новые друзья. Вот один из самых памятных его подарков — красный галстук, книга с автографом жены Н. Островского — Раисы Порфирьевны, пригласительный билет от студотрядовцев на юбилей в... 2008 году, сувениры строителей БАМА, возводящих город Корчагинец около станции Таксимо...
Он встречался с молодежью часто. И все ждали от него рассказа о том, как тогда, в тревожном 1921-м, пролаживалась узкоколейка в Боярке.
Подобные воспоминания Василия Артемовича хранятся в музее Николая Островского в Боярке. И некоторые личные вещи тоже.

...В одном из залов нам вдруг передается тревожный настрой плакатов тех далеких лет: «Все на борьбу с холодом!», «Все на топливный фронт! Добудем дрова — раздадим буржуазию!».
Голос экскурсовода Галины Михайловны Матвиенко звучит просто и проникновенно. И мы, казалось бы, все до мелочей знаем о писателе и его герое Павке Корчагине, делаем для себя новые открытия. Может, оттого, что все так наглядно. Вон здание школы № 2 (правда, она не похожа сейчас на сиротский приют с худой крышей, где на бетонном полу спали строители узкоколейки). Иногда за день доставалась лишь кружка кипятка. Вот экспонат — гармошка строителей. Кто-то ее на сало выменял. Так и сохранилась.
...Голод, холод, тиф стискивали пролетарский Киев в смертельном кольце. А тут преступление — тысячи кубометров дров заготовлены за шесть верст от станции Боярка. Фронт забрал всех лошадей: где взять 5 тысяч повозок? Саботажники все рассчитали точно. Но за два месяца железнодорожная ветка была проложена.

Хрестоматийный эпизод из биографии комсомола. Но чем больше вглядываюсь в экспонаты музея, тем больше хочется знать о тех, кто был первым.
Несгибаемая воля, порыв, энтузиазм... Романтика тех лет порой сливается для нас в некий символ. А хочется побольше узнать о каждом человеческом, не плакатного.
Вот книги, которые читал Островский: «Овод», «Спартак», «Гарибальди». И стихи русских поэтов. «Кобзарь» Шевченко. А что еще? Ведь в его личной библиотеке было до двух тысяч книг.
Среди изречений Островского, ставших афоризмами, хочется найти что-то личное, душевное. Пусть совсем не героическое... «Я очень люблю музыку. Она открывает в моей душе интимные чувства, вызывает такие нежные мысли, о которых я раньше и не подозревал...»
Или вот справка, удостоверяющая, что он инвалид 1-й группы. Дата — 1922 год. Он отходит ее отцу, и никто не будет знать об этом: «Дорогой мой старин! Спрячь этот документ подальше. Я не хочу быть инвалидом. Я хочу жить и бороться, как все!»
Однажды в сутюломе Киевского вокзала встретился Николай с П. Новиковым. Подружились на всю жизнь. Это ему он напишет о плане, имеющем целью «наполнить жизнь содержанием» (вспомните план Василия Карпенко). А еще он напишет другу: «В своей дороге я не пелюля, не делаю зигзагов... Я органически, злобно ненавижу людей, которые под беспощадными ударами жизни начинают выть и ныть в истерике по углам».
Как жаль, что не все еще письма Островского увидели свет. Их порой сокращали, убирая то, что «не играло» на образ.

И вот не так давно состоялось совещание представителей всех музеев писателя, имеющих в нашей стране. На нем присутствовала и сотрудница Боярского — Ольга Ивановна Кривень. Что тревожило хранителей памяти писателя?

Пора оживить, скоординировать действия музеев (пока они даже в разных ведомствах), создать единый совет. Комиссии по литературному наследию Островского подготовить в свет неизданные документы, письма. Ведь пока даже не опубликована уточненная в деталях биография писателя. Оказалось, есть еще в ней «белые пятна», а значит, надо продолжать поиск.

Почему получилось так? Чем это вызвано? Вот одна из причин. Оказываются, после смерти писателя в его записной книжке было вычеркнуто немало адресов, телефонов друзей, знакомых, репрессированных в годы культуры личности.

Появились разночтения в биографии. На совещании отмечалось, что образ Николая Островского слился с книжным ликом Павки Корчагина. Трудно его отделить, но надо.
— Мы хотим показать более широко его истинное окружение, круг интересов. Возродить живые черты, — рассказала нам директор Московского музея Н. Островского Галина Ивановна Храбровицкая.
Честно говоря, мы позвонили в Москву, чтобы узнать о странном диспуте «Сам ли Островский написал «Как закалялась сталь» или позаимствовал роман?». О нем сообщил ведущий программы «Позиция» Генрих Боровик, получивший приглашение на эту дискуссию.
— К сожалению, ничего об этом не знаем, — сказали в Москве.
Мы пожалели, что Г. Боровик сейчас в отпуске. И подумали: если устроители

диспута хотели «докопаться до истины», почему не пригласили специалистов?

А еще о том, что все-таки, наверное, начав разговор об этом, и уважаемый ведущий, и «Комсомольская правда», задавшая этот вопрос, должны были поставить точки над «i». Надо ли ронять искры сомнения, где очевидность налицо?

Сейчас в издательстве «Молодая гвардия» готовится трехтомник произведений, документов, писем Островского.
— Мы хотим воссоздать его рукопи-

Не слишком ли фривольно мы стали относиться к истории? Да. Почти не сохранились документы 20-х годов — войной тому причиной. Но то, что было совершено на небольшой станции под Киевом трудовой подвиг, не вычеркнешь из истории.

И все же хотелось бы сказать об ответственности перед ней, перед памятью героического прошлого.

...Помню, после одного из посещений музея в Боярке ранней весной уезжала с тяжелым сердцем. Помещение не отапливалось. Крохотная каморка — так называемый кабинет для всех научных работников. Главные экспонаты (их около четырех тысяч) хранятся прямо под крышей. Да и выставить можно лишь небольшую их часть.
По сути в двух залах полтора часа длится экскурсия.

Смотритель Анна Семеновна Безрун тщетно пыталась навести чистоту в маленьком вестибюле. Лил дождь, а козырька над входной дверью не было. Вместе с Анной Семеновной мы обогнули здание: поломанные ветки кустарника, деревьев. Почему-то вспомнилась обложка первого издания книги «Как закалялась сталь» — штык и нежная зеленая ветвь. Да и памятник у входа, и там, где пролегла символическая узкоколейка, осыпались... Подруливали автобусы с экскурсантами. Другие же топали по мокрому снегу нечищенного Октябрьского переулка. Обо всем этом мы беседовали в Боярском горисполкоме, Киево-Святошинском райкоме партии... Ведь дожди снова не за горами.

— Что нового? — спросили мы в музее, побывав там на днях.
— В Боярке будет строиться новая школа, а соседнее здание решено передать нам для расширения экспозиции, — сообщила новый директор музея Любовь Федоровна Пророченко.
— Сейчас собираем новые экспонаты. Просили бы откликнуться тех, кто мог бы нам помочь в этом.
Но и с имеющимися нужно поработать с научной точки зрения. Ведь музей начинался с экспонатов, собранных школьниками. Жаль, конечно, что упущено время.

Задаю вопрос об узкоколейке. Она зывается в Боярке их было три. И все строили комсомольцы-добровольцы с помощью местного населения с 1919 по 1921 год.
Любовь Федоровна кладет передо мной схему с пунктирами.
— Вот как проходила та, где работал будущий писатель. Видите изгибы? Так свидетельствует большинство очевидцев. К сожалению, многие уже ушли из жизни...
Достоверность — основа музейного дела. Одна неточность может повлечь другую. Вот почему так важен именно своевременный поиск.
И опять заходит речь о 1937 году. Тогда Петр Новинов специально приехал в Киев, чтобы записать воспоминания людей, лично знавших Островского, а попал... в милицию.

...Пока мы беседовали в вестибюле, группы заходили, сменяя друг друга.
— Сколько посетителей принимает музей сегодня?

— В среднем свыше 30 тысяч в год. Здесь проводят и комсомольские собрания, приезжают гости из-за рубежа. Правда, почему-то в последнее время мало бывает туристов по линии БММТ «Спутник».

К 70-летию комсомола в Боярке, напротив кинотеатра имени Островского, будет установлен необычный памятник — паровоз «Кукушка» выпуска первых лет Советской власти. Он уже почти отреставрирован на КВРЗ и в депо «Дарница». Сейчас ищем подрядчика для установки (архитектурный проект готов). Надеемся на помощь горисполкома, который обещал пойти в этом деле навстречу...

Помните: «Наш паровоз, вперед лети!».
Еще один символ. Не заслонил бы он судьбы людские.
В областном госархиве нахожу крохи сведения о тех годах.
Протокол № 6 общего собрания моло-

дежи с. Боярка Будаевской волости Киевского повіта и губернии. 22 января 1921 года выбрали они двух представителей на уездную беспартийную конференцию молодежи. Выписываю фамилии: Иван Скинба, Антон Иванчук. Кто они? Как сложились их судьбы.
От политсводки киевской уездной милиции за 1922 год веет тревогой. В Боярском районе появилась банда Сеняи Слепенко, вооруженная револьверами и гранатами. Вместе с бандой Гаевского и Александра Петрина (илича «Брабра») устраивают совместные налеты.

Еще один интересный документ — «Дело о регистрации Первой Боярской сельхозартели Киевского уезда».
Их было всего семеро — первых, создавших кооператив. Из небольшой таблицы видно: число членов семьи у них было 27, количество счетов — 2 единицы, а подвизного имущества — нет.
...Со мной рядом в архиве листала пухлые досье женщины-историк. Я слышала, как она говорила:

— И раньше с этими документами работали — Бухарин, Рыков, Пятаков... Их клеймили. Сейчас воздают должное. Не знаю, историкам, конечно, виднее. Но не слишком ли часто мы полагаемся на их интерпретацию? Я же знаю одно, что Алексей Сергеев, Леонтий Скарженко, Владимир Ивченко, Михаил Комоско, Роман Квашенко, Антон Семенов, Андрей Хмара — те семеро, что не побились кулацких обзоров и бандитских пуль, были за Советскую власть.

Дата на документе — 28 сентября 1921 года. Совсем скоро приедет в Боярку Островский и другие строители-добровольцы. Такие, как круглый сирота Павел Пацора. Он станет потом профессором Московского лесотехнического института, лауреатом Государственной премии СССР за создание в 30-е годы первых отечественных электростанций. А будаевский паренек Василий Карпенко — 25-тысячником в период коллективизации, участником обороны Одессы и Севастополя в годы войны, второму закончил на Дунае кадровым военным, неутомимым пропагандистом, другом молодежи.

Я искала материалы в архиве. А дом, в котором жил Василий Артемович, оказался... рядом с моим. Другим бы не опоздать.

И. БУРАУ.
(Спец. корр. «Комсомольского знамени».)
Боярка
Киевской области.

На снимке: у памятного знака «Боярка — БАМ», символизирующего эстафету корчагинских поколений.
Фото В. Пясецкого.

16 АВГ 1988
КОМСОМОЛЬСКОЕ
ЗНАМЯ